

**ЭПИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ЭРНСТА ЮНГЕРА:
РОМАН «ЭВМЕСВИЛЬ»**

А. Н. Фатенков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,

Россия, 603022, Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23

Приволжский исследовательский медицинский университет,

Россия, 603005, Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1

Поступила в редакцию 13.02.2025 г.

Принята к публикации 15.10.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-9

Очерчивается поле реалистического дискурса и его видового многообразия. Выстраивается концептуальная матрица эпического реализма. Эксплицируются его характерные черты: индивидуализация коллективного опыта; перенесение монументальности прошлого на настоящее и будущее; мутирование монументальности, ведущее к проблематизации финальной безупречности автора произведения и, в первую очередь, его героя. В русле эпического реализма (индивидуалистической его вариации) рассматривается интеллектуальный роман Эрнста Юнгера «Эвмесвиль». Осмысливается мировоззрение и поведенческая линия главного героя, Анарха, как правофлангового свободы на плацу постистории и как арьергардного «другого Я» автора романа. Фигура Анарха соотносится с его мировоззренческими попутчиками и оппонентами, прежде всего с анархистом и партизаном. Текст Юнгера квалифицируется как верифицируемая концептуализация постисторического состояния человечества.

***Ключевые слова:** арьергардное «другое Я», герой-анарх, постистория, правофланговый свободы, «Эвмесвиль», эпический реализм, Эрнст Юнгер*

1. Концептуальное введение

Реализм есть акцентированное воспроизведение реальности — той, что существует за рамками человеческого сознания, в нем самом и в области пересечения внешнего и внутреннего опыта автора произведения. Видовой спектр реализма причудливо широк — от критического до магического и фантастического. Ни одному из них, мастерски выписанному, не откажешь ни в адекватной репрезентации чего-то всамделишного, ни в конструировании чего-то лишь возможного. Каждое «прилагательное» вносит в реалистический строй мысли свое особенное понимание реальности и реального, делая здесь крайне затруднительными корректные видовые сопоставления. Как отметил некогда Ален Роб-Грийе, французский прозаик и теоретик «нового романа», реализм — это не теория с недвусмысленным определением; это скорее

«идеология, которую каждый выставляет против своего соседа, и качество, которое каждый считает исключительно своим достоинством» (2000, с. 481). Небесспорное, но важное суждение.

Понятие *эпического реализма*, имеющее хождение в области изобразительного искусства, эвристически ценно, на мой взгляд, и при его экстраполяции на сферу словесного творчества. В акцентировке эпического реализма весомую долю смыслов дают, несомненно, коннотации эпоса. Реалистическая парадигма, признавая наличие доавторских смыслов и требуя вместе с тем их авторской достройки, способна органично включить в себя эпические смысловые оттенки.

В отличие от эпоса как такового эпический реализм:

- индивидуализирует коллективный опыт;
- переносит монументальность прошлого на настоящее и будущее, выражая в отображении и перспективе дух и телодвижения эпохи;
- но эта монументальность может быть уже как ценностно положительной, так и ценностно отрицательной;
- в любом случае она мутирует, содержит в себе трещины, сквозь которые просачивается хаос и само ничто;
- отсюда отголоски дионисийства и нигилизма в выстраиваемом тексте;
- его автор жаждет целостности (в смысле финальной безупречности), но остаться или стать таковым ему, как и его герою, проблематично: жизненные компромиссы дают о себе знать.

Представленная матрица эпического реализма концептуально согласуется с позицией Е. М. Мелетинского, фиксирующей значимые изменения, которые происходят при трансформации классического эпоса в постклассическую эпическую прозу, где уже нет гиперболизации героики. Для романа характерен эмансипированный герой; «эмансипация постепенно превращается в оппозицию личности по отношению к обществу» (2001, с. 77).

Нерв произведения с наличествующими чертами эпического реализма обнаруживается в явном или неявном стремлении автора и героя отстоять определенную дистанцию между собой и своим окружением. Мера отстранения, естественно, вариативна.

Эпический реализм может нести в себе разный пафос. Зримы минимум три его вариации. *Коллективистский пафос*: к примеру, в «Чевенгуре» Андрея Платонова, где в ожидании конца исторического времени (но не времени природного) люди живут, работая исключительно друг для друга (см.: Платонов 1988, с. 485, 526). Автору тут, пожалуй, труднее всего. Он не вправе сторониться коллективистского потока, не имея при этом надежной защиты от того, чтобы не оказаться поглощенным безбрежным течением. Выделяется далее *пафос неординарной корпорации* – скажем, окопного братства в романе-дневнике Эрнста Юнгера «В стальных грозах». В повествовании манифестируется сплоченность – но та, в которой каждый, находясь под воздействием «растущего азарта охотника и страха его жертвы», становится «неистов и непредсказуем» (см.: Юнгер 2000, с. 104, 271). Наконец, *индивидуалистический пафос* (не

путать с эгоистическим). Им пронизан юнгеровский «Эвмесвиль» (см.: Юнгер 2023), содержание которого и попадет в настоящей работе в фокус авторских размышлений.

Сразу подчеркну, что индивидуализм не инороден фронтовой сплоченности: без схватки один на один в серьезной битве не устоять. Различие эпического реализма «Стальных гроз» и «Эвмесвиля» никак не кардинально. Там и там, как и самим знаковым немецким интеллектуалом на протяжении всей его жизни, ответственно удерживается вечное дистанцирование от происходящего вокруг. По справедливой оценке Ю.Н. Солонина, автор «Стальных гроз» нашел «такую форму бесстрастного отношения к ужасам войны, к факту уничтожения и смерти, что его нельзя обвинить ни в цинизме, ни в безразличии» (2000, с. 32).

Сформулированная выше гипотеза — и касательно концептуальной матрицы эпического реализма, и касательно привязки к ней произведений Эрнста Юнгера — требует, разумеется, текстуального подтверждения, к которому и стоит, не откладывая, перейти.

2. Анарх: правофланговый свободы на плацу постистории

Герой — всегда проекция автора. Близкая к его мировоззрению и образу жизни — или удаленная. Дистанция тут не принципиальна. Важно, что нет ни одного героя, в роли которого автору не хотелось бы оказаться. Хотя бы раз. И не только в пространстве повествования, но и во внелитературном пространстве. Иначе вместо героя наткнемся на плоского персонажа. Вместе с тем никакая композиция проекций главного действующего лица, никакой ансамбль героев не откроет нам до конца содержание фигуры автора. Но в этом и нет нужды. Задача читателя — уловить *истину в мгновении*: в точечных, конкретных совпадениях и несовпадениях линии автора и линии героя. Такова фундаментальная интенция экзистенциального бытия. У Гёльдерлина — о ней:

...однажды

Жил я, как боги — чего же больше.

(Гёльдерлин 2011, с. 39).

Мартин Венатор, он же — просто Мануэль, Мануэло. А не просто — *Анарх*. Это последнее имя и оставлю в настоящем тексте за героем романа Эрнста Юнгера «Эвмесвиль» (см.: Юнгер 2023). Не забывая, конечно, что *venator* — охотник, наблюдатель, исследователь.

Знатокам жизненного пути и творчества Юнгера известно о его теплых отношениях с отцом и братом, Фридрихом Георгом (см., в частности: Веннер 2019, с. 21–23). У героя романа, напротив, отношения натянутые; реплики по адресу членов семьи полны иронии. В его общении с женщинами прагматика контролирует, как правило, чувственные порывы. Типаж выбран автором, думается, с вполне определенной целью — провести мысленный эксперимент, который позволит выявить предельно допустимую дозу цинизма в мировоззрении и образе жизни человека, по праву сохраняющего уважение к себе.

Анарх с характерным для него пониманием природы, общества и своего места в исторической, вернее, постисторической реальности — тот же не теряющий достоинства индивид, но уже не бескомпромиссный бунтарь, каким был *Уходящий в Лес* (см.: Юнгер 2020), а человек, ради сохранения главного в себе допускающий отказ от открытой конфронтации с обществом и государством. Анарх — арьергардное «другое Я» Юнгера, фигура последнего рубежа с приемлемыми еще компромиссами. Да, не былинный герой — герой нашего времени.

Вот она, главная для анарха тема: как может человек, предоставленный самому себе, противостоять могущественным силам, будь то силы государства, общества или природной стихии, и, не подчиняясь, придерживаться их правил игры (Юнгер 2023, с. 338).

В правилах и нормах наличествует смысл, если кто-то способен их нарушать. Роль включенного исключения, уравниваемого с привилегированной марионеткой, — уже, возможно, по ту сторону представлений о суверенности человеческого индивида. Если, разумеется, понимать суверенность абсолютистски, в идеализированном, скорее даже солипсистском варианте. Добавив реализма, трезвого учета никак не отменяемого воздействия на нас некоторых внешних факторов, мы перестаем носиться с недостижимым, выясняя попутно, что и достигать-то его не было особой нужды. Теперь мы озабочены отысканием и сбережением того конкретного суверенитета, который позволит надежно разграничить включенное исключение и *vip*-марионетку, в действительности исключением не являющуюся. Юнгеровским Анархом, а через него и автором романа указанная задача и решается.

В Эвмесвиля, как и повсеместно сейчас, правила задает постисторический декаданс, похоже, уже отчаявшийся прийти к некогда рекламируемому порядку из хаоса. Он насыщен противоречиями и продолжает источать их. Как продуктивные (при их незапоздалом снятии), так преимущественно и контрпродуктивные: вряд ли вообще решаемые, а если и поддающиеся какому-то решению, то с тенденциозно деструктивным результатом. Причем граница между теми и другими противоречиями размыта, и дело приходится иметь по обыкновению с их кентаврической сцепкой.

Отсюда недалеко до жесткой юнгеровской констатации: общественные ценности давно стали пародией (см.: Там же, с. 66). Соглашусь: состояние постистории откровенно пародийно. Оно, в частности, гипертрофирует политический аспект человеческой жизни, и без того изрядно преувеличенный собственно историческим ее этапом и доминирующим в социальных практиках историографическим вектором (см.: Фатенков 2024). На разоблачение гегемонии истории и политики направлен и метаисторический подход Юнгера и его Анарха.

Норман Рудольф Салиба показывает, что метаисторическая стратегия «Эвмесвиля» нацелена на переподчинение исторического формата человеческого существования формату природному (но не доисторическому), подтверждением чему служит финал произведения (см.: Sali-

ба 2020). Да, Анарх оставляет в итоге и тщательно подготовленный укромный уголок на периферии постисторической социальности, и ведение дневниковых записей. Автор романа, напротив, дорожит и тем, и другим, и своими опытами по трансцендированию за рамки удручающей обыденности: состязанием с *госпожой Удачей* во время войны и опробованием разного рода снадобий после кровопролитных баталий.

Фокусировка метаисторической оптики на текущую постисторическую данность дает картину, детерминирующую компромиссную, не более того, обратную реакцию наблюдателя.

Великие идеи, которым были принесены в жертву миллионы людей, в наши дни вконец истерлись... (Юнгер 2023, с. 98).

Жизнь слишком коротка и прекрасна, чтобы жертвовать ею ради идей, хотя этой заразы не всегда удается избежать. Но шапку долой перед мучениками (Там же, с. 395).

Мученичество свято. Оно вне времени и вне исторической конъюнктуры, по ту сторону всегда утилитарной общественной морали. Анарх возводит последний надежный барьер, оберегающий человека от падения в цинизм.

Только вневременное придает ценность прошлому. Только редкая суверенная событийность значима. Ее нелепо подводить под договорную и оттого априори шаткую моральную шкалу. Нелепо отдавать на откуп анатому. Чревато вручать и историку. Осмысливается она — по-этом. Отчасти — метаисториком: поэтом с контролируемой чувственностью. Таков герой «Эвмесвиля». Его подход к рассмотрению прошлого содержит два главных требования: «отвлечься от воли, сохранить непредвзятость» и трактовать факты не морально, а «по присущему им эросу» (Там же, с. 224, 86). Факт является действительно историческим, если к нему *невольнo влечет*. Неплохо! Подход может быть назван объективно-эротическим (в понимании эроса здесь есть нечто от Людвига Клагеса: эротический настрой позволяет «чувствовать другое существо», а вероятно — и какое-то событие, преодолевая пространство и время (см.: Клагес 2018, с. 101)). Соответствующий термин не стал бы инородным в лексиконе Анарха, но автора романа он все-таки покоробил бы, хотя саму метаисторическую стратегию Юнгер, без сомнения, принимает, включая ее в свою метафизическую парадигму.

Да, он метафизик. Но не тот, что оперирует эйдетическими абстракциями, уподобляясь одной из них, а тот, кто способен подобно поэту схватить и выразить помимо интеллигибельных еще и чувственные смыслы. Метафизик — это поэт, мыслящий чувственно-мыслимое. Вольно или невольнo он структурирует поэтический хаос. Реалистически рецензирует поэта... но никогда не поучает его. Язык метафизика, как и всякого философа, взращен в порубежье литературного слога и научного дискурса (см.: Фатенков 2003), однако несциентистский канон ему, безусловно, ближе. В метафизике Юнгер наделяет онтологическим приоритетом пространство, не время, и сам событийно воспринимается на плацдарме (в крайнем случае — на плацу), а не в погоне за секундной стрелкой.

Оставаясь вне времени, выпадая из него, события скрепляют прошлое. Встроенные во время и становясь историческими, они уже не в силах препятствовать расплыванию того, что минуло. Нигилистические веяния добираются и до него.

...после каждой смены власти всемирную историю переписывают в соответствии с текущим моментом. Учебники более не устаревают, они просто приходят в негодность (Юнгер 2023, с. 34).

Неуверенность в прошлом — отголосок фатальной неустойчивости каждого теперешнего состояния, неизбежно сменяющегося следующим теперешним. Даже метафизически, без учета социально-политической суеты, невозможно навсегда стянуть время в мгновение и выйти тем самым к настоящему как таковому, к подлинной, нередуцируемой реальности. Тут никак не обойтись без изощенной композиции проекций сущего. Без реализма, замещающего собой реальность. В подтверждение — гениального порядка мысль Юнгера об исходном прообразе: он «есть образ и зеркальное его отражение» (Там же, с. 326). Первозданное не исчезает, оно лишь скрывается от докучливых взоров.

Погружаясь в социально-политическую эмпирию, пусть и не сливаясь с ней, пусть отстраняясь от чего-то в ней неприемлемого, индивиду приходится пробираться к подлинному, отсекая неизбежно наносящее ему раны неподлинное. Целостность, в смысле финальной непогрешимости героя, остается в эпическом прошлом. Одиссей возвращается на родину. Этим своим неоспоримо ценным поступком он купирует все лукавства и шалости путешественника. А в реалистически опознаваемом здесь и сейчас, включая ситуацию с эпическим реализмом, непогрешимость героя небесспорна ни в процессе развития сюжета, ни в эпилоге повествования. Таков Анарх, отвергающий за безнадежный консерватизм идею возвращения, делая исключение лишь для могущего произойти однажды возвращения вечного.

Будучи анархом, я преисполнен решимости ни во что не вмешиваться, ничто не принимать всерьез — но не в нигилистическом смысле, а скорее на манер пограничного стража, отгачивающего зрение и слух, прогуливаясь по ничейной земле меж приливами и отливами (Там же, с. 117).

Анарх не горит желанием броско отличаться от окружающих. Задача: быть немного глубже их — не более. И трезво воспринимать: и окружающих, и самого себя.

Левая рука сжата в кулак, правая протянута за подающим — вот так люди проходят по миру (Там же, с. 171).

Демонстративное фрондерство бесперспективно, какой бы общественный строй ни поджидал тебя за окном. Анарху, впрочем, не симпатичен ни один из них. Он то ставит на одну доску тиранов и демагогов, то, упрощая ситуацию, различает лишь вариации единственно существующей тирании — формально законной, но нелегитимной

по существу. Однако не стремится противопоставлять себя ни тирану, ни монарху, предпочитая выстраивать с ними отношения дополнителности.

Монарх хочет повелевать многими, даже всеми; анарх — только самим собой. Это сообщает ему объективное и, пожалуй, скептическое отношение к власти... (Там же, с. 52).

Компромиссы налицо. Но они не фатальны. Реализм «Эвмесвиля» остается эпическим реализмом. Герой романа остается в своем — героическом — статусе. Он обороняет свободу и достоинство человека в условиях, которые не в состоянии изменить. Несмотря на декларативное отстранение от систематизированных идейных конструкций, Анарх намечает свою собственную, выстраивая ее в оппозициях к тем мировоззренческим установкам, которые чем-то или практически всем отличаются от присущей ему самому.

Наиболее любопытна и дискуссионна, бесспорно, оппозиция *Анарх* — *анархист*. Причин тому несколько. И главная, думается, не столько в том, что известный сегодня постанархический дискурс (см., в частности: Ньюман 2022) представляет собой опрошенную версию размышлений юнгеровского Анарха, сколько в том, что эти размышления, — а не исключено, и ориентиры самого «позднего» Юнгера, — могут быть квалифицированы как *правый анархизм*. Анархическое в них — в непризнании подлинно легитимной ни одной внешней власти. Исключение делается, пожалуй, да и то с оговорками, лишь для власти, исходящей от божественной инстанции. Отсюда и правый уклон: бытийна — иерархия; равенство — нигилистично, оно держится тем, что «каждый может убить каждого» (Юнгер 2023, с. 53). Однако и вертикаль, и любой авторитет нуждаются в проверке на достоверность (см.: Там же, с. 132, 345).

Свобода для Анарха «не самоцель — она его достояние» (Там же, с. 394). И этой свободой в себе и для себя он вполне удовлетворен, не надеясь на утверждение ее в качестве общественной ценности и нормы. Индивидуальная свобода, по его представлениям, никак не нуждается в удостоверении и подпорке со стороны социальной свободы. Анархисту, напротив, без свободного общества не обойтись. В нем он и надеется, вероятно, получить гарантии индивидуальной свободы, возможно и присущей ему, хотя юнгеровский Анарх (и нынешний постанархист) тут иного мнения.

Словами своего героя Юнгер указывает на два существенных изъяна в позиции анархизма (я уточнил бы: левого, коллективистского анархизма). На поспешную аксиоматизацию исходной доброты человека (куда надежнее здесь не аксиома, а гипотеза). И на чрезмерность ожиданий от социального сплочения и политических действий.

Анархист — противник монарха и замышляет его уничтожение. Он стреляет в личность, но укрепляет династию (Там же, с. 52).

Анарх намеренно выдерживает дистанцию между собой и правителем. Анархист, всеми силами пытаясь ликвидировать ее, превращается незаметно для себя в двойника правителя. И тому, по уму, подобная ситуация на руку. Ведь, вспоминая мысль Антонена Арто, «любой тиран по существу — только анархист, который захватил корону и поверг мир к своим ногам» (2006, с. 103).

Еще одну значимую оппозицию линии Анарха в романе составляет линия *партизана*. Здесь сразу угадывается полемический отклик на одноименную теорию Карла Шмитта (см.: Шмитт 2007).

Анарх ближе к бытию. Партизан действует внутри социальной или национальной группы, партии, анарх же стоит вне ее. Хотя и не может уклониться от партийности, потому что живет в обществе (Юнгер 2023, с. 191).

Партизан хочет его (закон. — А. Ф.) изменить, преступник — нарушить, а анарх не желает ни того ни другого. Он ни за закон, ни против него. Даже не признавая закон, анарх все же пытается познать его, как познают законы природы, и соответственно подстроиться (Там же, с. 204).

Тут совершенно точно: анарх — человек Юнгера, партизан — человек Шмитта. Отношения между этими двумя немецкими интеллектуалами редко выходили за рамки уважительного и деликатного общения, хотя нетождественность их вариаций консервативно-авангардистского умонастроения обоим была ясна (см.: Эрнст Юнгер. Отражения 2019). Юнгеровская доля авангардизма заметно превышает шмиттовскую.

Наконец, еще оппозиция (не случайно — частичная), которую при чтении романа не обойти стороной: *Анарх — Лесной отшельник (скиталец)*.

...нельзя путать лесного отшельника и партизана; партизан борется в обществе, скиталец — в одиночку. С другой стороны, не надо путать лесного скитальца с анархом, хотя оба они порой могут быть очень похожи, а экзистенциально и почти неотличимы друг от друга.

Разница заключается в том, что лесного скитальца выдавили из общества; анарх, напротив, выдавил общество из себя. Он был и остается вольным рыцарем в любых обстоятельствах (Юнгер 2023, с. 206).

Вновь Анарх используется Юнгером для демаркации его собственного мировосприятия периода написания «Ухода в Лес» (там фигуры героя и автора почти тождественны) и одной из проекций своего мировосприятия в период работы над «Эвмесвилем». В романе фигуры автора и героя, как уже отмечал, не совпадают, но пересекаются.

3. Автор и его герой (несколько строк в завершение)

Совсем иначе видит ситуацию Петер Козловски. В его интерпретации, герой романа — анархистствующий денди и гностик, чуть ли не пародийно выписанный автором, потому что сам Юнгер дендизм преодолел (см.: Козловски 2002).

Позволю себе не согласиться. Юнгер не из тех, кто готов к предательству, даже под вывеской «эволюции взглядов». А отбросить элемен-

ты дендизма для него — значит предать свою молодость, когда он, окопный лейтенант, шел со своей штурмовой группой на вылазку, держа в руке трость, а на груди готовый к съемке фотоаппарат. Изменить «гностицизму» — значит расписаться в ошибочности всех произведенных им опытов, которые не укладываются в стандарты новоевропейского рационализма, и согласиться с тривиальной спиритуалистической трактовкой гностического учения, где тело считается темницей души. И это мужчине, сохранившему стройность до почтенных лет?!

Анарх как *арьергардное «другое Я»* Юнгера: эту метафору оставляю приоритетной для описания характера отношений автора и героя романа «Эвмесвиль». Другая метафора — *правофланговый свободы на плацу постистории* — контекстуально приложима к обеим фигурам: и Анарха, и самого Юнгера.

Список литературы

Арто, А., 2006. *Гелиогабал, или Коронованный анархист*. Перевод Н. Пригузовой. Тверь, 208 с. [Artaud, A., 2006. *Heliogabalus or, Crowned Anarchist*. Translated by N. Prituzova. Tver, 208 p. (in Russ.)].

Веннер, Д., 2019. *Эрнст Юнгер. Иная европейская судьба*. Перевод А.М. Иванова. М., 226 с. [Venner, D., 2019. *Ernst Jünger, Another European Destiny*. Translated by A. M. Ivanov. Moscow, 226 p. (in Russ.)].

Гельдерлин, И.Х.Ф., 2011. *Стихотворения*. Перевод Н. Самойловой. М., 256 с. [Hölderlin, J. Ch.F., 2011. *Poems*. Translated by N. Samoilova. Moscow, 256 p. (in Russ.)].

Клагес, Л., 2018. *Космогония Эроса*. Перевод А.В. Васильченко. М., 224 с. [Klages, L., 2018. *Of Cosmogonic Eros*. Translated by A.V. Vasilchenko. Moscow, 244 p. (in Russ.)].

Козловски, П., 2002. *Миф о модерне: Поэтическая философия Эрнста Юнгера*. Перевод М.Б. Корчагиной, Е.Л. Петренко, Н.Н. Трубниковой. М., 239 с. [Koslowski, P., 2002. *The Myth of Modernity: The Poetic Philosophy of Ernst Jünger*. Translated by M.B. Korchagina, E.L. Petrenko and N.N. Trubnikova. Moscow, 239 p. (in Russ.)].

Мелетинский, Е.М., 2001. *От мифа к литературе. Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика»*. М., 168 с. [Meletinsky, E.M., 2001. *From myth to literature. Lecture course "Theory of myth and historical poetics"*. Moscow, 168 p. (in Russ.)] EDN: YORZTC.

Ньюман, С., 2022. *Постанархизм*. Перевод О.Л. Грабовской. М., 208 с. [Newman, S., 2022. *Post-Anarchism*. Translated by O.L. Grabovskaya. Moscow, 208 p. (in Russ.)].

Платонов, А.П., 1988. Чевенгур. *Ювенильное море: повести, роман*. А.П. Платонов (сост.). М., с. 188–551. [Platonov, A.P., 1988. Chevengur. In: A.P. Platonov, ed. *The Juvenile Sea: novellas, novel*. Moscow, pp. 188–551 (in Russ.)].

Роб-Грийе, А., 2000. От реализма к реальности. *Собрание сочинений. Дом свиданий: Романы. Рассказы*. А. Роб-Грийе (сост.). Перевод О. Акимовой. СПб., с. 481–492. [Robbe-Grillet, A., 2000. From realism to reality. In: A. Robbe-Grillet, ed. *Collected works. The House of Dates: Novels. Short stories*. Translated by O. Akimova. St. Petersburg, pp. 481–492 (in Russ.)].

Солонин, Ю.Н., 2000. Эрнст Юнгер: от воображения к метафизике истории. *Юнгер Э. В стальных грозах*. СПб., с. 11–34. [Solonin, Yu.N., 2000. Ernst Jünger: From Imagination to the metaphysics of history. In: *Jünger E. In steel thunderstorms*. St. Petersburg, pp. 11–34 (in Russ.)].

Фатенков, А.Н., 2003. Языки философии, литературы и науки в аспекте смысла. *Философские науки*, 9, с. 50–69. [Fatenkov, A.N., 2003. Languages of Philosophy, Literature and Science in the Aspect of Meaning. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 9, pp. 50–69 (in Russ.)] EDN: KLEYOU.

Фатенков, А.Н., 2024. Пародийный характер постистории. *Философский журнал*, 17 (3), с. 121–134. [Fatenkov, A.N., 2024. The parodic character of posthistory. *The Philosophy Journal*, 17 (3), pp. 121–134 (in Russ.)] EDN: SBXLSR, <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2024-17-3-121-134>.

Шмитт, К., 2007. *Теория партизана*. Перевод Ю.Ю. Коринца. М., 301 с. [Schmitt, K., 2007. *Theory of the Partisan*. Translated by Yu. Korinets. Moscow, 301 p. (in Russ.)] EDN: QONSOZ.

Эрнст Юнгер. *Отражения*, 2019. Перевод А. Игнатьева. М., 160 с. [Ernst Jünger. *Reflections*, 2019. Translated by A. Ignatiev. Moscow, 160 p. (in Russ.)].

Юнгер, Э., 2000. *В стальных грозах*. Перевод Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб., 331 с. [Jünger, E., 2000. *In Stahlgewittern*. Translated by N.O. Guchinskaya and V.G. Notkina. St. Petersburg, 331 p. (in Russ.)].

Юнгер, Э., 2020. *Уход в Лес*. Перевод А. Климентова. М., 144 с. [Jünger, E., 2020. *Der Waldgang*. Translated by A. Klimentov. Moscow, 144 p. (in Russ.)].

Юнгер, Э., 2021. *Эвмесвиль*. Перевод А. Анваера. М., 544 с. [Jünger, E., 2021. *Eumeswil*. Moscow, 544 p. (in Russ.)].

Saliba, N.R., 2020. *Collecting and Writing in Ernst Jünger's Heliopolis, Gläserne Bienen, and Eumeswil*. PhD thesis. Nashville.

Об авторе

Алексей Николаевич Фатенков, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-8628-2413

SPIN-код РИНЦ: 6226-1098

E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Для цитирования:

Фатенков А.Н. Эпический реализм Эрнста Юнгера: роман «Эвмесвиль» // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №1. С. 132–142. doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ERNST JÜNGER'S EPIC REALISM: THE NOVEL "EUMESWIL"

Aleksey N. Fatenkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Prospekt, Nizhny Novgorod, 603022, Russia
Privolzhskiy Research Medical University,
10/1 Minin Sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russia

Submitted on 13.02.2025

Accepted on 15.10.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-9

This paper delineates the field of realistic discourse and its internal diversity. It develops a conceptual matrix of epic realism and explicates its key features: the individualisation of collective experience; the transposition of the monumentality of the past into the present and

the future; and the transformation of monumentality that results in a problematization of the presumed final impeccability of the author and, ultimately, of the hero. The study examines Ernst Jünger's intellectual novel "Eumeswil" through the lens of epic realism in its individualistic variant. It conceptualises the worldview and mode of action of the protagonist, the Anarch, portraying him as a right-flank soldier of freedom on the parade ground of post-history, as well as a rearguard incarnation of the author's "other self". The figure of the Anarch is shown in relation to his ideological companions and adversaries, most notably the anarchist and the partisan. Jünger's text is ultimately interpreted as a rigorously articulated conceptualisation of the post-historical condition of humankind.

Keywords: *epic realism, Ernst Jünger, "Eumeswil", post-history, rearguard other self, right-flank soldier of freedom, the anarch hero*

The author

Prof. Aleksey N. Fatenkov, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-8628-2413

E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

To cite this article:

Fatenkov, A.N., 2026, Ernst Jünger's epic realism: the novel "Eumeswil", *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 1, pp. 132–142. doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-9.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))